

AFFORDANCE КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ НОВАЦИЯ «КОНСТРУКТИВНОГО РЕАЛИЗМА»

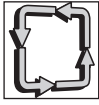
“AFFORDANCE” AS AN EPISTEMOLOGICAL INNOVATION OF “CONSTRUCTIVE REALISM”

Владимир Натанович Порус – доктор философских наук, профессор факультета философии НИУ-ВШЭ.
E-mail: vporus@mail.ru.

Vladimir Porus (National Research University – Higher School of Economics).

Мне, как и А.Л. Никифорову, термин «affordance» не вполне ясен. Не ясен и его перевод как «потенциальная возможность». Если вытащить этот термин из контекста и прочитать его как «возможную возможность», т.е. возможность, которая, возможно, возникнет при определенных условиях, то появится соблазн продолжить итерацию уже иронически: «возможность, которая возникает тогда, когда реализуется возможность возникновения этой возможности», и т.д. Поэтому лучше сделать вид, будто трудности перевода нам ни почём, и попытаться усвоить мотивы, по каким Р. Харре вводит этот термин в эпистемологию и философию науки, в тот ее раздел, какой касается наук о социальных процессах и явлениях.

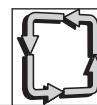
Дело, видимо, в том, что Р. Харре рассматривает не абстракцию возможности, а реальные условия, при которых возможность актуализируется. Таких условий, вообще говоря, два. Первое: возможность чего-то (события, процесса, явления) должна быть реальной (вероятность ее актуализации не должна быть нулевой или слишком малой). Например, вряд ли возможно зубочисткой свалить столетнюю сосну, переплюнуть Ла-Манш или найти в нынешних Гималаях саблезубого тигра. Второе: нужен тот, кто эту возможность определяет как таковую и участвует в ее осуществлении, обладая необходимыми для этого способностями и средствами. Его принято называть специальным словом астор, которое почему-то считается более осмысленным, чем русские термины «действующее лицо», «действователь» или «деятель». Без «актора» объективные условия реализации некоей возможности могли бы остаться лишь потенциальными и даже неизвестными. Более того, «актор» способен повысить потенциал актуализации, внося в него какие-то существенные прибавки. Например, стог сена может загореться от удара молнии, но вероятность такого события, к счастью, невелика; зато хулиган или неосторожный курильщик со своей зажигалкой способен, к несчастью, повысить вероятность пожара тысячекратно.

Если оставить в стороне гипотезы о сверхъестественных силах, по произволу вызывающих те или иные события, а также рассказы о случайных обстоятельствах, вызывающих актуализации тех или иных возможностей (например, печальный нарратив о падении камня на голову несчастного пешехода, вызванном тем, что на этот камень капнул воробей, тем самым актуализировав его потенциально возможное, но задержанное силой трения движение по скату крыши), то в центре внимания философа окажутся те актуализации возможностей, какие существенно зависят от «особенностей комплекса мир–актор, в котором они проявляются» (Р. Харре). Тогда-то на первый план и выйдет *affordance* – категория, имеющая онтологический статус не в Мире-как-таковом (Welt), но в Мире-для-актера (Umwelt). Собственно, Umwelt только и интересен по-настоящему для «реалиста-конструктивиста» Р. Харре.

Позиция «конструктивного реализма», многократно изложенная в работах британского классика, а также в апологетических или критических комментариях к ним, хорошо известна [Харре, 2009]. Замечу, что мне, к сожалению, трудно найти какие-то принципиальные различия между ней и деятельностной концепцией, которую в нашей отечественной литературе с 1960-х гг. развивали И.С. Алексеев, Г.П. Щедровицкий, В.М. Розин и другие авторы [Алексеев, 1995]. Напомню, что, согласно этой концепции, объект познания определяется *функционально* – как то, на что направлен акт деятельности. Поэтому объект «аккумулирует» в себе характеристики этой деятельности, состоящей из последовательности (упорядоченного ряда) процедур, выполняемых с помощью определенных средств, соответствующих задачам «действителя» (или, если угодно, «актера»). Теперь, если объектом эпистемологического внимания является “*affordance*”, то в соответствии с деятельностной концепцией (или позицией конструктивного реализма) «потенциальная возможность» должна пониматься не как нечто существующее «само-по-себе», но как то, что неразрывно связано (в предельном случае – детерминировано) с характеристиками познавательного процесса, осуществляемого актором, и способами *действия*, благодаря наличию которых эта возможность переходит из «потенции» в *действительность*.

В полемике с В.М. Розиным [Порус, 2012: 77–80], я уже замечал, что эта позиция (как ее ни именуешь – по-русски или по-английски) может быть атакована теми, кто увидит в ней опасность: суждения о *возможности* и *действительности* чего бы то ни было (факта, события, явления, etc.) не смогут быть оценены с точки зрения их *объективности* и *истинности*. Атака на какое-то время может быть отбита возражением: сами эти понятия, заимствованные из ветхого завета философии, должны наполниться новым (благовестным) смыслом, который и предлагает деятельностная концепция (или конструктивный реа-

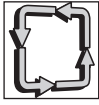

лизм). Но дело в том, согласятся ли атакующие на трансформацию смыслов главных эпистемологических понятий. Если да, атаки прекратятся и наступит мир, поскольку все эпистемологи станут конструктивными реалистами – по крайней мере во взглядах по основным вопросам. Если нет, атаки тоже прекратятся, но враждующие стороны не разойдутся миром, а продолжат позиционную (окопную) войну, которой не видно конца.

Собственно, доклад Харре – это попытка так перевооружить конструктивизм, чтобы он не только отбивал атаки «эпистемологов-ортодоксалов», но и подготовил контратаку, а затем переход в наступление. Для этого надо показать те его преимущества которые не вполне очевидны, покуда идет окопная война. Что же это за преимущества?

Прежде всего это взгляд на *возможность* чего-то как на возможность *действия с этим чем-то*. Например, по льду можно скользить на коньках, но это возможность для человека или циркового медведя, но никак не для дождевого червя и вряд ли для ежика или мышки. Как такой взгляд способен прояснить «туманную философию науки Нильса Бора», это для меня осталось в тумане: не хочет ли Харре сказать, что Бор согласился бы отказаться от принципа дополнительности, если бы наблюдателем квантовых явлений был не человек, а разумное существо, само обладающее физическими свойствами электрона и потому способное выбирать между различными экспериментальными ситуациями, в которых электрону должно вести себя то как волна, то как частица?

Ведь мы, будучи не электронами, а всего лишь людьми, способны делать «мереологические ошибки», например принимать «треки» в камере Вильсона, оставленные движением субатомного объекта, за доказательство того, что этот объект есть «корпускула», а интерференционные круги, образуемые потоком таких же объектов на чувствительном экране в соответствующем эксперименте, – за доказательство того, что эти объекты суть волны. Эти «ошибки» – следствия того, что мы склонны или вынуждены принимать частичную информацию об объекте за его полное описание. Никакой «дополнительности» Бора и «неопределенности» Гейзенберга не понадобится, когда осуществится мечта сторонников теории «скрытых параметров» в физике микромира, которая тем и будет избавлена от «мереологических ошибок». Произойдет ли это когда-нибудь, пусть об этом рассуждают физики. Я могу только предположить, что если бы это и произошло, то вряд ли под влиянием концепции “affordance”. Физики сами рассудят, какую роль в их построениях играют гипотезы о возможных действиях возможных наблюдателей в возможных экспериментальных ситуациях. Подсказки философов они выслушают из вежливости.

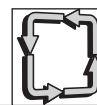
Проясняют ли рассуждения о «потенциальной возможности» философию науки Н. Бора? К сожалению, у великого датчанина сегодня нет ни малейшей возможности соглашаться с этим или протестовать. Нам же остается выбирать между различными философиями науки, выслушивая аргументы их представителей. Может быть, в этом одно из наших преимуществ.

С чем нельзя не согласиться, так это с тем, что переключение внимания эпистемолога на действия актора открывает широкий горизонт для изучения операций, процедур, средств, участвующих в этих действиях. Здесь непаханое поле проблем, связанных с планированием этих действий, их корректировкой (если планы оказываются, скажем, ошибочными или нереализуемыми), с количеством и качеством информации, которой различные акторы должны обмениваться между собой, чтобы их действия создавали основу для взаимопонимания. Неизмеримо повышается роль лингвистических (социо- и психолингвистических) и логических исследований, поскольку речь пойдет о процессах, выражаемых в различных языковых системах и традициях. Ну, и раз мы переключаемся в сферу определенной деятельности, придется вспомнить, что эта деятельность социально и культурно обусловлена, а значит, в эпистемологию хлынут соответствующие сведения о ее организации, ценностном статусе, соотнесенности с различными видами и формами практики и т.п.

Разумеется, придется еще раз поклониться Л. Витгенштейну за то, что он «по размышлению зрелом» отказался рассматривать отношение между словами и фактами как именование и понял, что оно создается (конструируется) участниками языковых игр как условие, без которого эти игры не могли бы состояться. Поскольку создание таких условий – процесс, могущий меняться во времени, очень интересно проследить его изменения и описывать их с надлежащей добросовестностью. Тем и должны заниматься ученые, философам же остается советовать им, как не попадаться на крючок языковых недоразумений или в крайнем случае «находить выход из ловушек».

Короче говоря, эпистемологи, став на позицию, обозначенную в статье Харре, более не смогут отлынивать от участия в обсуждении широкого круга научных проблем, оправдывая это свое участие (перед специалистами) хотя бы тем, что обратили внимание на необходимость рассмотрения потенциальной возможности как того, что зависит от характера действий, в которых она актуализируется. Как к этому отнесутся ученые, заранее сказать трудно. Есть потенциальная возможность (affordance) того, что они не будут против.

Я согласен и с мыслью Харре о том, что человечеству пора оставить утопическую надежду когда-нибудь заполучить корпус Единого, Неизменного и Универсального знания обо Всем. Самое большее, на что оно может рассчитывать, это установить связи между различ-

ными и изменчивыми системами знаний, вместе составляющими «карту пятнистого мира» (Н. Картрайт). Но остается вопрос, древний как философия: существуют ли объективные основания для установления этих связей? Или же и они конструируются и реконструируются в зависимости от изменчивых человеческих возможностей и потребностей? Существуют ли инварианты этих изменений? И какой нам прок размышлять о них, если даже они существуют?

В социальных науках мы постоянно сталкиваемся с тем, что действия акторов обусловлены не только их способностями или характеристиками объектов, на которые направлены действия, но и тем, как эти действия воспринимаются и оцениваются другими акторами, в конце концов тем, позволяют ли они осуществлять такие действия. В терминах Харре, потенциал человеческих возможностей (в том числе познавательных) может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от того, какое воздействие на него оказывает культурный социум. Думаю, что это бесспорно. Но если перевести это высказывание в план эпистемологии, неизбежен вывод, что последняя не может не быть *социально-культурной*. Я склонен рассматривать статью Харре как собрание аргументов в пользу этого тезиса. Какие из них удачны, какие нет, покажет дальнейшее их обсуждение, но аргументируемый тезис (хотя сам автор не брал на себя обязательство его защиты) представляется мне верным.

Библиографический список

Алексеев, 1995 – *Алексеев И.С.* Деятельностная концепция познания и реальности. Избранные труды по методологии физики. М., 1995; *Щедровицкий Г.П.* Проблемы методологии системного исследования. М., 1964; панельная дискуссия по докладу В.М. Розина «О природе знания. Диалог методолога с эпистемологом» (Эпистемология & философия науки. 2012. Т. XXXIV, № 4).

Порус, 2012 – *Порус В.Н.* Диалог из окопов «методологизма» и «эпистемологизма» // Эпистемология & философия науки. 2012. Т. XXXIV. № 4. С. 77–80.

Харре, 2009 – *Харре Р.* // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М., 2009.